
«РУССКИЙ — ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК?» (1)

У.М. Бахтикирева

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена осмыслению актуальной проблемы современного общего и частного языкознания: вариативности («многовариантности») русского языка, которая имеет своих сторонников и противников. Автор статьи предлагает третий путь — путь сочетания *критики* эпистемы сторонников этой идеи и *производства знаний* из тех возможностей, которые предоставляет накопленный опыт в науке о языке.

Ключевые слова: вариант, языковая норма, «многовариантность», парадигма, национальный язык, полинациональный язык.

Среди фундаментальных трудов в отечественном языкознании, положивших начало исследованиям полинациональных литературных языков 50—60-х гг. XX в., ученые признают прежде всего монографическое исследование Г.В. Степанова «Испанский язык в странах Латинской Америки» [10. С. 7] (2).

Исследования и разработки ученого позволили по-новому подойти к пониманию национального языка в условиях его функционирования в разных географических ареалах. Важно отметить, что Г.В. Степанов, изучая вариации испанского языка, подчеркивал особенность каждой из языковых традиций и самобытность эстетического понимания норм общенародной речи в странах Латинской Америки [10].

Вместе с тем лингвисты признают, что при определении понятия национального варианта языка недостаточно констатировать наличие у него своих специфических черт и особенностей [4, 10]. Для утверждения положения о его национальном статусе требуется установление границ языковых норм, под которыми понимаются совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации обществом [25].

Область нормы крайне широка (правила грамматики, логики и математики, обычая и ритуала, традиции и предписания, законы государства, команды, игры, технические нормы и др.). Норма как категория социальная и надличностная применительно к языку кодифицируется в его системе и составляет эталон, становящийся основой для образования от-системных единиц, обладающих большей или меньшей потенциальной аналогично подвергнуться кодификации.

Однако языковая норма — величина не постоянная, поскольку любой национальный язык представляет собой сложное, динамичное, подвижное, неоднородное явление, как неоднороден и сам социум, использующий его. Разные социальные группы общаются на «своих языках», все они иллюстрируют живую

речевую культуру во всем ее многообразии (просторечие, диалекты, профессиональный, молодежный, воровской, тюремный жаргоны, а также языки диаспор). Высшей формой национального языка признается литературный язык, который, как и языковая норма, находится в динамике, о чем свидетельствуют те же словари, отражающие нормативную оценку специалистов. Примером может служить несовпадение акцентологических норм «Большого орфоэпического словаря русского языка» (2012) и «Словаря ударений» И.Л. Резниченко (2003) [32].

За последние три десятка лет не только в испанском и английском, но и в русском языкознании накоплен большой объем научной литературы, свидетельствующей о подвижности, зыбкости, вариативности языковой нормы и языкового стандарта, о сближении и более тесном взаимовлиянии разных языковых явлений, об активной роли коммуникативного фактора, вследствие чего становится возможным создание градуированной шкалы оценки нормативности языкового явления.

Об этом применительно к вариантам испанского языка в Латинской Америке задолго до появления работ о «разновидностях русского языка» писал Г.В. Степанов. Отмечая ряд обстоятельств культурного, исторического, политического, геоэтнографического порядка, которые обуславливают «особую норму (исторически — норму второго порядка)», ученый настаивал на автономности вариантов в разных странах Латинской Америки [10. С. 8].

Становление и формирование любого нового государства, рост национального самосознания отнюдь не обеспечиваются лишь географическими факторами («очерчиванием» собственных государственных границ), но закономерно сопровождаются параллельным языковым и литературным становлением как ведущими критериями нации. Отсюда особую важность приобретает языковое строительство, которое направлено на документирование и постоянное фиксирование признанных в конкретном социуме языковых норм. Таким образом, зафиксированные в соответствующих изданиях нормы («производного») языка, с одной стороны, является «национальным вариантом литературного языка — вариантом нормы и самой системы языка», с другой — представляет собой его вариант, как, например: «испанский язык Америки есть разновидность (вариант) структурно единого испанского языка в совокупности особенностей его новых общенародных форм и местных диалектов и говоров» [10. С. 14].

Полинациональный (испанский) литературный язык в таком случае обозначает «некую совокупность частных вариантных подсистем, то есть лингвистическую ситуацию, при которой единый литературный язык является скорее тенденцией или идеальным заданием, нежели реальностью». Пиренейская национальная речь «являясь исторической ‘точкой отсчета’, не воплощает в себе в нынешнем своем состоянии безусловного идеала общего испанского языка» [10. С. 14].

При этом, как отмечают ученые, «выделение ‘исторической’ точки отсчета в норме языка, как и самой ‘исходной’ или ‘исторической’ формы языка, мы можем сделать только в отношении испанского или английского языка, где за такие формы можно принять пиренейскую форму испанского и британскую форму

английского в сравнении с ‘трансплантированными’ американскими ипостасями этих языков...» [10. С. 14].

Национальные варианты одновременно стабильны в силу «тенденций дальнейшего развития в русле этих форм» и динамичны в силу «тенденций к взаимному сближению, т.е. в направлении конвергенции языков и их вариантов».

Вместе с тем развитие вариантов в конкретных лингво-культурных ситуациях, создание литературы в соответствии с языковыми нормами и стандартами конкретных социумов, осознающих себя нациями, не приведут «к сложению какой-либо образцовой паниспанской» нормы... Британский и американский варианты ныне представляют собой полно сформировавшиеся национальные формы речи, обладающие собственной кодифицированной нормой», автономные и самостоятельные [10. С. 16].

По всей видимости, эта модель берется некоторыми русистами в качестве точки опоры в процессе изучения региональных особенностей русского языка. *Однако, заметим, автономность и самостоятельность зависит как от кодификации, так и от самостоятельности стран.*

Солидаризируясь с выводами ученых, представим свое понимание варианта языка. Национальными вариантами языков со всеми им присущими свойствами и нормами, постоянно фиксирующимися в соответствующих академических изданиях (словари, справочники, Национальные корпуса языков и др.), несмотря на наличие «исходной, исторической» формы языка, мы считаем *те языки, которые функционируют в странах, обладающих внешнеполитической самостоятельностью, собственной внутренней политикой и идеологическими приоритетами.*

Для именованного языка нетитульной нации «национальным вариантом» внутри иной страны с иным государственным языком требуется соответствие необходимым критериям. Причем наличие значительного периода самостоятельного развития языка вне «исторического» ареала его распространения и отсутствие конфликта между этнической и языковой идентичностью граждан нетитульной нации отнюдь не являются достаточными. Речевая культура устойчивых диаспор или дисперсно проживающих групп этнически русских людей — не российских граждан — не может полностью совпадать с речевой культурой русских, проживающих в России. «Множество наименований: аким, акимат, маслихат, хабар, курултай, асар, отан и др.» незнакомы русскому внутри российского ареала, и «фрагмент казахской языковой картины мира не переносится в русскую, способствуя возникновению интеркультурем» [13. С. 207—208].

Собственно, также и этнически нерусские люди — граждане России, например, казахи, не могут использовать слова *аким* и *акимат* вместо *мэр*, *мэрия* и т.д. Кроме того, следует иметь в виду, что каждый человек есть совокупность его внутренних миров, что является неперенным условием рефлексивного существования личности. В зависимости от конкретных жизненных (социальных) обстоятельств мотивационные предпочтения конкретной языковой личности меняются и обуславливают его речевое поведение.

Появление работ, посвященных «разновидностям русского языка», его «региональным особенностям», «национальным вариантам», «русским языкам» и т.п.

[6, 8, 9, 15, 20, 24, 27], возросший интерес русистов к этой проблематике [11—14, 21, 22, 25, 28], в первую очередь объясняется параметрами внеязыковой социальной действительности последних тридцати лет. Распад объединенной на основе единого языка культурно-исторической (советской) общности обусловил изменения в статусе русского языка, его территориальном и демографическом императиве на постсоветской территории и мире.

Другая важная причина видится нам в «кризисе идентичностей», наиболее рельефно обозначившимся на рубеже веков, когда миграционные потоки охватили всю планету, мир стал еще более подвижен, динамичен, полиэтничен и многоязычен. Человеческое сообщество в конце XX в., по всей видимости, оставило вестфальскую идею: «одна нация — одно государство» навсегда. Полагаем, что интеллектуальные lamentации некоторой части русистов связаны с собственным кризисом идентичности: по решению политического истеблишмента в течение короткого времени превратиться в граждан новой страны значит испытать состояние, близкое к психологическому шоку.

Возможно, языковая идеология и языковое строительство стран их проживания, направленные на возрождение языка титульной нации (автохтонного народа), косвенно, но повлияла на научные исследования этих лингвистов, которые в эпоху постнеклассической науки не могут, как и все творческие личности, не быть пристрастными при исследовании объекта.

Как известно, основное содержание языковой политики советского государства заключалось в гомогенизации общества. Государственным *de facto* стал язык «одной наиболее развитой нации (в терминологии того времени)» или «насильственная русификация» [2. С. 85] (3). Переживать казахизацию, украинизацию или латышизацию и т.д. отнюдь не очень просто. Однако мы не склонны расценивать появление работ Е.А. Журавлевой и А.Н. Рудякова как «сецессионизм» или их «заявления о формировании новых наций на базе русских (русскоязычных) групп населения, которые имеют право лишь на культурную автономию внутри унитарного государства» [27].

Первые попытки вступить в дискуссию с авторами «многовариантности» русского языка ограничились одним контраргументом. Мы полагали, что отсутствие соответствующих академических изданий, документирующих и признающих эти нормы и постоянно фиксирующих изменения русского как национального языка за пределами российского ареала, не позволяет безоговорочно признать наличие его национальных вариантов в постсоветских странах [4].

В этой статье мы считаем важным обратить внимание коллег на факт апеллирования русистов к новым парадигмам в английском языкознании [8; 20] для объяснения «разновидностей русского языка» (хотя ни в одной из известных нам работ мы не встретились с развернутым описанием этих парадигм). *Насколько это рационально для русского языкознания?*

Парадигма English as a Lingua Franca (ELF), упоминаемая А. Мустайоки [20], и парадигма World Englishes (WE) являются одними из актуальных направлений в английском языкознании. Исследовательское поле ELF во многом сформирова-

лось на основе парадигмы WE, основоположником которой является американский ученый индийского происхождения Брэд Б. Качру.

Приверженец «качувианского» направления К. Болтон пишет: «С начала 1980-х гг. исследования и публикации по проблемам контактных вариантов способствовали смене парадигмы в изучении английского языка... Использование термина *world Englishes (WE)*, контактные варианты английского языка, относится к **особому подходу**, который связывают, прежде всего, с работами Брэда Качру... К середине 1980-х гг. термин *world Englishes* ‘контактные варианты английского языка’ получил признание» [7. С. 174, 176].

Российские ученые также определяют теорию языковой вариантологии (WE Paradigm) в современном английском языкознании как **особое направление**, хотя и «близкое, но конкурирующее с более распространенным в Европе» [23. С. 176].

З.Г. Прошина подчеркивает, что сегодня задачи этих двух направлений различаются. Приверженцы теории ELF сосредоточили свое внимание на исследовании стратегий и тактик межнационального общения с использованием английского языка. Странники теории языковой вариантологии описывают языковые признаки вариантов и их функционирование, в т.ч. в литературе (так называемая контактная, или транслингвальная литература), образовании и методике. Исследовательское поле парадигмы WE, несомненно, шире.

Другая парадигма в англистике — English as an International Language (EIL) ближе к теории WE и, по сути, становится заменой понятий ESL (English as a Second Language) / EFL (English as a Foreign Language) в системах образования. В то же время EIL (English as an International Language) не равен IE (International English). Первый термин имеет центробежную силу и ориентирован на лингвистическую реальность разнообразия вариантов и языковых норм. Второй — центростремительную силу и ориентирован на единство стандарта языка, поэтому его приравнивают к термину Global English, World English (в единственном числе) и Standard English. Проблемы EIL сейчас активно занимают в Австралии, создаются серьезные программы EIL бакалавриата, магистратуры и докторантуры в Университете Монаша (Мельбурн) [23*] (4).

Теория WE находит свое практическое воплощение в словарях, документирующих локальные разновидности английского, например, Macquarie Dictionary в Австралии, The Tomes-Chambers International Dictionary в Сингапуре и Малайзии и др. Аналогичные словари и глоссарии (лексические сборники) разрабатываются в других странах. Для более общего описания черт английского как EIL создаются обширные компьютерные корпуса, отражающие его использование в различных странах и ситуациях, например, в Венском университете при поддержке Оксфордского университета (VOICE — Vienna-Oxford International Corpus of English). Таким образом, варианты английского в разных странах становятся легитимными, даже несмотря на расхождения в этих теориях и множество терминов. И в этом смысле предложенная идея А. Мустайоки («экскурс в другие языки») [20] не вызывает у нас возражений. Однако логико-методологическую процедуру экстраполяции положений этих парадигм в проблемное поле русского языкознания

можно было бы принять безоговорочно, если не учитывать следующего важного вывода основоположника теории WE.

Подвергая критическому осмыслению парадигмы исследований, их достоинства и недостатки, Б. Качру отмечает, что глобальное двуязычие, порожденное распространением английского языка, его масштаб и глубина, а также последствия его стратификации не повлекли за собой изменение и обновление парадигм исследования и методологии. В настоящее время не существует устойчивой теоретической и методологической базы для анализа всепроникающей власти английского языка [17. С. 150].

В этом контексте обращение к опыту, накопленному в русском языкознании, нам представляется более продуктивным. Об этом мы писали более подробно во второй статье [5], приводя в качестве примера опыт основоположников системной лингвистики, в частности, лингвистическую концепцию Г.П. Мельникова [19]. Нам остается предложить коллегам обратиться к этой работе, здесь же ограничимся лишь упоминанием некоторых важных положений, раскрывающих в общих чертах эту концепцию.

Системология в терминологии Г.П. Мельникова понималась как общая методология — особая дисциплина, содействующая преодолению возникающих в процессе развития науки *методологических* затруднений и тем самым помогающая увеличению эффективности научной дисциплины. Этот подход зиждется на соотношении постулатов современной лингвистики, являющихся прямым продолжением идей основоположников системного языкознания (Гумбольдт, Бодуэн де Куртенэ, Срезневский, Потебня и др.), с понятиями и категориями материалистической диалектики [19].

Огромной заслугой Г.П. Мельникова является выделение им четырех внутренних детерминант как главных коммуникативных ракурсов и соответственно четырех внутренних форм, которые характеризуют выделенные В. Гумбольдтом морфологические типы языков. **Это сделало возможным объяснить функциональные связи между семантическим своеобразием языка и теми особенностями условий общения в языковом коллективе, которые влекут за собой соответствующую модификацию функций языка.**

Любой язык, по Г.П. Мельникову, развивается под влиянием потребности использования в определенных условиях.

Англо-американоцентристская теория языковой вариантологии, на которую как основную точку отсчета полагаются сторонники «многовариантности» русского языка, делает гипотезу «многовариантности» русского уязвимой. «Прививка» теории WE в русское языкознание без привлечения опыта предшественников едва ли способна «оздоровить» гипотезу до состояния теории. Зарубежные лингвисты находятся в поисках методологической базы для объяснения лингвистической экспансии английского. «Очень трудно установить те критерии, благодаря которым тот или иной язык часто используется в качестве вспомогательного языка международного общения». И уж совсем беспомощно звучит: «Я должен признать, что не знаю, как и почему английский язык стал часто используемым вспомога-

тельным языком международного общения, но я точно знаю, что он стал таковым. Никогда раньше его не использовали более активно в мире. Это — самый популярный язык...» [26. С. 152].

Учитывая «интеллектуальную разрозненность» лингвистов разных стран в силу объективных и субъективных причин, не представляется удивительным «игнорирование» опыта, накопленного российскими учеными. Важно, что и вопросы Л.И. Смита находят адекватное объяснение в концепции Г.П. Мельникова.

Определение «полинациональный язык», закрепленное в социолингвистике со второй половины XX в., стали использовать для именованя языков, осознаваемых и используемых как национальный несколькими нациями (этнотами): английский, испанский, немецкий, арабский, французский и некоторые другие. Все они прошли «имперский» путь развития. Применительно же к русскому данное определение стало активно употребляться в начале XXI в. [15, 31].

Английский и русский — «имперские» языки, однако по содержанию Британская и Российская империя не тождественны. «Большинство евроцентристских теорий проекта модерна все еще строятся на линейной прогрессистской модели времени и представляют историю как победоносный марш от Римской империи к США, при этом опуская истории других европейских империй... но главное, они интерпретируют разнообразные имперские истории незападного мира всегда с точки зрения Западной Европы и США, как единственной универсальной точки отсчета» [30. С. 14].

Говоря о двойном различии властных конфигураций — имперского различия с Западом и колониального различия России периода империи и ее «колоний», М.В. Тлостанова считает, что исследователю Российской империи необходимо постоянно осознавать многочисленные элементы, задействованные в этой сложной и уникальной модели. Под имперским различием понимается властная конфигурация различия между западными капиталистическими империями современности и не вполне западными империями (Австро-Венгрия, Оттоманская империя, Россия). Под колониальным различием — властное различие между империями и колониями [30. С. 14].

Другие считают, что государства, в которых распространен и востребован русский язык, никогда не являлись ее колониями в классическом понимании, но в то же время глубоко и на добровольных началах впитали в себя великую русскую культуру [21]. В отношении «добровольных начал» и «глубины впитывания» могут быть иные мнения. Для нас важно признание разными учеными принципиальных различий между империями и колониями, распространяющиеся, с нашей точки зрения, и на языковые факторы, которые наравне с географическими (гос. границы) и другими, являют собой подсистемы по отношению к системе государственной.

Присоединяемся к коллегам, убежденным в том, что состояние современного русского языка на постсоветской территории не катастрофично. «Языковая вольница — это не свидетельство изменения русского языка, а свидетельство плохого владения им, низкого уровня речевой и общей культуры говорящих на нем» [3. С. 118].

Изменения происходят не в языке, а в речи. «Разруха в головах», парадигмальные сдвиги в сознании, обусловленные параметрами внеязыковой действительности, непременно «**овнешняются**» языком. Глава московской психолингвистической школы отмечает, что «жизнь языка в последние 20 лет привлекает внимание многих лингвистов прежде всего пугающим сужением сферы литературного языка, языка художественной литературы, но ухудшается не язык, а деформируется наше этническое сознание» [29. С. 4].

«Отчуждение» русского языка от русской культуры (распад лингвокультурного феномена), от русскости как этносоциокультурного феномена, объективно приводит к созданию некоторых социокультурных разновидностей русского языка, в том числе на постсоветской территории, и ничего «парадоксального в этом отчуждении нет» [22. С. 11].

Соглашательство с позицией специалистов, считающих, что русский за пределами российского ареала под влиянием локальных влияний иных языков суть его варианты, означает признание функционирования вариантов, для начала, в 15 постсоветских странах. С учетом Каракалпакстана, Южной Осетии и Абхазии, Приднестровья, Крыма — много больше. Добавив сюда все субъекты РФ, учтя пестрый языковой ландшафт, обусловленный языками автохтонных народов Дагестана, Урала, Севера, можно прийти к умозаключениям, которые требуют дополнительных аргументаций (что в рамках одной статьи сделать невозможно).

Локальные особенности русского за пределами российского ареала существовали всегда, но не оказывали существенного влияния на диахроническую трансформацию информационного кода языка. На протяжении только одного века «процесс лексического покрытия общества, говорящего по-русски, прошел, по крайней мере, три основных цикла: а) „доживающий“ *дореволюционный цикл* — до начала XX в.; б) господствующий *советский цикл* — XX в.; в) зарождающийся *постсоветский цикл* — конец XX в. ... Таким образом, в пределах трех названных циклов в течение одного столетия проводились и социально стимулировались... процессы, касающиеся не только лексики, но в известной степени и других уровней русского языка... Совершенно очевидно, что регионализация русского языка за пределами метрополии — явление теоретически важное, но периферийное по своей сути и связанное с местной языковой ситуацией и соответствующей ей языковой политикой. Регионализация не может далеко и глубоко зайти, потому что современные электронные средства связи просто не дадут распасться языку. Ослабление грамматики заметно в постсоветское время и в метрополии» [14. С. 4, 6].

Учение Г.П. Мельникова дает ответы на вопросы авторов статьи «Русские языки»: почему «тем не менее, это всегда русский язык» [8], почему, существуя в разных вариациях, русский становится родовым понятием («зонтичным») по отношению к ним? — Потому что «резкое сужение исходного объема социального, общеизвестного знания сужает ту традиционную сферу содержания, в границах которой представители разных культур имеют основания надеяться на взаимное понимание; сокращает объем общеизвестных языковых единиц и круг тех ситуаций, в которых один человек считает необходимым вступить в общение с другим» [19. С. 123]. Это понимание согласуется с выводом Э. Сепира: «Общность

языка не может до бесконечности обеспечивать общность культуры, если географические, политические и экономические детерминанты культуры перестают быть одинаковыми в разных ареалах его распространения» [Цит. по: 2. С. 225—226].

С учетом этих обстоятельств современные ученые, исследуя особенности коммуникативного поведения англичан, «в основном имеют в виду представителей британской культуры» и используют термин «англосаксонская культура», подразумевая под ним культуры тех стран, в которых английский язык является исторически доминирующим» [18. С. 15]. Странники теории трех концентрических кругов (WE), ратуя за «демократический подход» в определении вариантов английского, таким образом, «закрыли» для образованных людей из «второго или третьего круга» возможность считать себя владеющими английским на уровне представителей «первого круга» (?). Приверженцы «многовариантности» русского лишают автора настоящей статьи понимать «национальные варианты» этого языка за пределами российского ареала (?).

Разрыв с советским прошлым, формирование и структурирование нового постсоветского пространства обуславливают изменения в номинации новых явлений действительности, возникших с автономизацией новых государственных субъектов.

Экстралингвистические факторы: исторически длительный период функционирования русского языка в качестве государственного, защита Отечества многонациональным народом (в единственной войне, которая может быть оправдана — Отечественной), экономическая мощь, привлекательность России в отличие от других стран-соседей обуславливает его статус в качестве универсального языка-макропосредника на постсоветской территории.

Вариативность русского языка от социума к социуму, увеличение объема новых языковых единиц в разных ареалах свидетельствуют о том, что географические, политические, экономические, культурные детерминанты, объем социального, общеизвестного знания, культивируемого в советской общности, перестают быть актуальными в постсоветских странах. Номинация новых фрагментов окружающей их действительности, т.е. формирование новой сферы содержания, в границах которой граждане конкретной общности имели бы основания надеяться на взаимопонимание, не есть появление национального варианта русского языка, но **свидетельство высокой степени кодифицируемости русской языковой системы**.

Напомним: *любой язык развивается под влиянием потребности использования в определенных условиях*. Следовательно, увеличение объема лексики, неизвестного в других ареалах, где русский также используется в качестве языка межнационального общения; необязательность «внутреннего» и «внешних цензоров», указывающих на нарушение акцентологических, морфологических, синтаксических норм русского языка, едва ли можно расценивать как появление «русских языков».

Субъект, мотивационные предпочтения которого направлены на реализацию себя из среднестатистического индивида в конкретную **личность** в границах рус-

скоязычных социумов и России, будет пользоваться русским, пытаясь следовать нормам литературного языка (пусть и подвижным и не всегда однозначно интерпретируемым разными академическими изданиями). Определять речевую культуру тех или иных социальных групп на русском, как вариант, на сегодняшний день не представляется возможным. Любой субъект в зависимости от множества факторов в одной и той же ситуации способен осуществлять абсолютно противоположные по своей семантике и прагматике коммуникативные ходы. Коммуникативное поведение одного человека (группы) — проявление субличностей, единство которых позволяет нам судить о внутренней целостности языковой личности, ее речевой культуры. Эта «языковая гибкость» коммуникативного поведения человека является фактором его успешности в общении. Человек — совокупность его внутренних миров, что есть неременное условие рефлексивного существования личности.

Массовое сознание, сознание толпы и сознание элитарное — две самостоятельные категории: нормы литературного английского (англо-саксонского), как и нормы других социальных групп (*royal English* и *English топ-истеблишмента*) в Великобритании отнюдь не являются обязательными для английских рабочих из морских доков. Приходит ли на ум британским лингвистам считать их вариантами английского? Судя по теории *World Englishes* — нет.

Русский язык как предмет исследования все больше требует его изучения с мультидисциплинарных позиций. Соглашаемся с мнением А. Мустайоки о том, что русский нужно рассматривать в контексте других языков, с оговоркой: *но не только с позиций теорий ELF и WE*. Сохранение монодисциплинарности и прежней модели генерирования, трансляции и передачи знания в рамках науки, социума и образования становится невозможным. Это не вписывается в новую архитектуру транскультурного мира, его субъекта и гносеологических оснований. Обращение к мультидисциплинарному подходу, основанному на принципе учета множества факторов и сторон, является необходимым звеном в приобретении знаний. Несмотря на то, что при этом подходе не происходит исчерпывающей концептуализации общих закономерностей и механизмов их взаимодействия внутри предмета исследования, такой подход ценен тем, что позволяет существенно расширить фактическую полноту знания, его аккумуляцию — накопление.

Современная антропоцентрическая парадигма «вынуждает» лингвистов быть представленными на этом этапе развития науки о языке многолико: социолингвист, (этно)психолингвист, когнитивист, лингвокультуролог, литературовед, культуролог, этнолог, политолог, философ, педагог, гражданин и др. Такая интеллектуальная многоликость и многознание, как представляется, способствуют формированию новых смыслов в науке о языке. «Язык позволяет наиболее естественным образом подойти к переходу от достижений биологических к достижениям гуманитарного знания» [16. С. 669—671].

Полагаем, что даже субъективное, пристрастное мнение отдельного исследователя относительно собственной исследовательской или практической деятельности может оказаться весьма существенным. За каждым мнением стоит свой

эмоциональный интеллект и особая тонкость. Каждый исследователь, основываясь на достижениях теоретической и практической лингвистики и других наук, всегда обращается к самому надежному банку данных — собственному мозгу. Отсюда ценность всех точек зрения. Все они контекстуально обусловлены и не должны абсолютизироваться, каждая должна быть услышана и вовлечена в диалог, если мы исходим из понимания, что наука о языке — яркий пример широты и глубины познавательных возможностей человека.

«Русский — полинациональный язык?». — На постсоветской территории образовались новые государства, с какой бы предубежденностью к ним не относиться. Языковая идеология и языковая политика, языковое планирование и языковое строительство этих стран направлены на возрождение своих государственных языков. Это — закономерность. Разве не то же самое происходило при распаде Римской империи, когда возрождались итальянский и испанский, португальский и французский, английский и немецкий, польский и венгерский...? Те же процессы происходили при распаде империи Арабский халифат: персидские и тюркские языки, отодвинутые на периферию главным языком империи в течение почти пяти веков — арабским, начали новый путь возрождения. Мы солидаризируемся с позицией известного ученого о вероятности формирования вариантов русского языка: «Отличительные особенности русского языка в Казахстане могут считаться достаточными, чтобы объявить его национальным вариантом, только в случае нормализации (кодификации), то есть весьма и весьма далекого от реальности момента» [28. С. 103].

Этот вывод, мы полагаем, справедлив в отношении социумов на постсоветской территории, где русский язык пока остается языком международного, научного и делового сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О русском языке в пределах постсоветской территории.
- (2) Здесь и далее цитирование дается по статье А.И. Домашнева «Концепция национального варианта языка в трудах академика Г.В. Степанова», которая по информативности, научной наполненности и бережном использовании положений и выводов лингвистической концепции Г.В. Степанова расценивается нами как достаточная для изложения некоторых важных для нашей работы.
- (3) «Интересна точка зрения некоторых зарубежных лингвистов, считающих отказ СССР от языковой политики, направленной на развитие национальных языков, следствием переосмысления и возвращения Сталина к идее Н.Я. Марра о предстоящем переходе на единый всемирный язык» [2].
- (4) [23*] Информация из личной переписки с З.Г. Прошиной.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аллатов В.М.* История лингвистических учений. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 225—226.
- [2] *Аллатов В.М.* 150 языков и политика, 1917—1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М.: ИВ РАН, 1997.

- [3] *Байгарина Г.П.* Русский язык в казахстанских СМИ // Русский язык в Казахстане: Сборник научных статей. — Астана, 2007. — С. 118.
- [4] *Бахтикиреева У.М.* К проблеме вариативности лексической системы русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». — 2010. — № 3. — С. 117—124.
- [5] *Бахтикиреева У.М.* Следовать нормам русского языка или создавать «Русские языки»? // Вопросы русской филологии и методики преподавания русского языка и литературы: коллективная монография. — М.: Алмавест, 2014. — С. 173—187.
- [6] *Белюсов В.Н.* О проблемах и перспективах функционирования русского языка в межнациональном общении в современной геополитической ситуации // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21—24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения. — М., 2010. — С. 16.
- [7] *Болтон К.* О современном состоянии теории контактных вариантов английского языка (World Englishes): подходы, проблемы и спорные вопросы // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество. — 2012. — Т. XIV. — Вып. 3. — № 73—74. — С. 173—188.
- [8] *Вахтин Н.Б., Мустайоки А., Протасова Е.* Русские языки // *Slavica Helsingiensia* 40. — Helsinki, 2010. — С. 5—16.
- [9] *Вольнец Т.Н.* Национальный вариант русского языка в Беларуси — Миф или реальность? // *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Международная научная конференция «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение».* Сборник в 2-х частях. Витебск, 22—24 апреля 2009 г. — Витебск: Изд-во «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. — Ч. 1. — С. 16—21.
- [10] *Домашнев А.И.* «Концепция национального варианта языка в трудах академика Г.В. Степанова» *Res Philologica. Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова.* — М.: Наука, 1990. — С. 4—17. URL: <http://danefae.org/pprs/gvstepan/domashne.htm>.
- [11] *Джусупов М.* Русский язык в тюркофонном речевом пространстве Центральной Азии // *Slavica Helsingiensia* 40. — Helsinki, 2010.
- [12] *Джусупов М.* Современный русский литературный язык: инвариант и вариации // Международный научный журнал «Филологические науки (научные доклады высшей школы)». — 2013. — № 2. — С. 16—29.
- [13] *Дмитрюк Н.В.* Русский язык в автохтонном и неавтохтонном языковом сознании казахстанцев // *Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы.* — М.: Эйдос, 2009. — С. 207—208.
- [14] *Дуличенко А.Д.* Русский язык: от века XX к веку XXI... // Международный научный журнал «Филологические науки (научные доклады высшей школы)». — 2013. — № 1. — С. 3—11.
- [15] *Журавлева Е.А.* Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — Алматы, 2007.
- [16] *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. II (главы 11—21). — М., 2004.
- [17] *Качру Б.Б.* Мировые варианты английского языка: агония и экстаз // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество. — 2012. — Т. XIV. — Вып. 4. — № 75—76. — С. 145—165.
- [18] *Ларина Т.В.* Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. — М.: Языки славянских культур, 2013. — С. 15.
- [19] *Мельников Г.П.* Системная типология языков / Отв. редактор Л.Г. Зубкова. — М.: Наука, 2003.

- [20] *Мустайоки А.* Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. № 5. — 2013. — С.3—27.
- [21] *Наумов А.О.* Фактор «мягкой силы» // Стратегия России. Ежемесячный журнал. — № 1 (73), январь 2010. — С. 53—56.
- [22] *Прохоров Ю.Е.* Русский язык и русская культура в новой геополитической коммуникации // Матер. междунаро. научно-практич. конф. «Инновационные технологии в теории и практике преподавания русского языка и литературы: проблемы и пути решения». — Ч. 1. 24—26 ноября 2009 г. — Астана: ЕНУ, 2009.
- [23] *Прошина З.Г.* Смена парадигмы языкового образования? (Предисловие к статье А. Мацуды) // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество. — 2012. — Т. XIV. — Вып. 2. — № 71—72. — С. 176.
- [24] *Рудяков А.Н.* Георусистика и функциональная русистика // Филология и культура. Вестник Казанского (Приволжского) федерального университета. — 2012. — № 2.
- [25] *Семенюк Н.Н.* Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [26] *Смит Л.И.* Английский как вспомогательный язык международного общения // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество. — 2010. — № 3 (57—58). — С. 149—154.
- [27] *Степанов Е.Н.* Русский язык в контексте социально-политических процессов современной Украины. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-7714.html>.
- [28] *Сулейменова Э.Д.* К осмыслению вероятности вариантного русского языка в Казахстане // Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian. — Helsinki, 2010.
- [29] *Тарасов Е.Ф.* Принципы анализа жизни языка в культуре и социуме / Жизнь языка в культуре и социуме-2. Материалы междунаро. научн. конф. «Жизнь языка в культуре и социуме-2», Москва, 27—28 мая 2011 г. — М.; Калуга: «Эйдос», 2011. — С. 3.
- [30] *Глостанова М.В.* Постсоветская литература и эстетика транскulturации. — М., 2004.
- [31] *Толстая Т.Н.* После. Постсоветская литература в поисках идентичности. 1995.11. Специальный проект: «Журнальный зал» в «Русском журнале». URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano009.html>.
- [32] Ощущение катастрофической безграмотности россиян. URL: <http://www.filolnauki.ru/ru/news/2013/09/16/15>.

RUSSIAN IS A MULTINATIONAL LANGUAGE?

Uldanai M. Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to an urgent problem of modern linguistics: variability («multi-variant») of the Russian language, which has its supporters and opponents. The author of the article offers a third way — a way of combining criticism of episteme supporters of this idea and knowledge production from accumulated experience in the science of language.

Key words: option, language norm, paradigm, national language, multinational language.

REFERENCES

- [1] *Alpatov V.M.* Istorija lingvističeskich učenij. — M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2001. — S. 225—226.
- [2] *Alpatov V.M.* 150 jazykov i politika, 1917—1997. Sociolingvističeskie problemy SSSR i post-sovetskogo prostranstva. — M.: IV RAN, 1997.
- [3] *Bajgarina G.P.* Russkij jazyk v kazahstanskih SMI // Russkij jazyk v Kazahstane: Sbornik nauchnyh statej. — Astana, 2007. — S. 118.
- [4] *Bakhtikireeva U.M.* K probleme variativnosti leksičeskoj sistemy russkogo jazyka // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya «Teoriya jazyka. Semiotika. Semantika». — № 3. 2010. — S. 117—124.
- [5] *Bakhtikireeva U.M.* Sledovat' normam russkogo jazyka ili sozdat' «Russkie jazyki»? // Voprosy russkoj filologii i metodiki prepodavaniya russkogo jazyka i literatury: kollektivnaya monografiya. — M.: Almavest, 2014. — S. 173—187.
- [6] *Belousov V.N.* O problemah i perspektivah funkcionirovaniya russkogo jazyka v mezhnacional'nom obščhenii v sovremennoj geopolitičeskoj situacii // YAzyk i obščhestvo v sovremennoj Rossii i drugih stranah: Mezhdunarodnaya konferenciya (Moskva, 21—24 iyunya 2010 g.): Doklady i soobščheniya. — M., 2010. — S. 16.
- [7] *Bolton K.* O sovremennom sostoyanii teorii kontaktnyh variantov anglijskogo jazyka (World Englishes): podhody, problemy i spornye voprosy // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh i gumanitarnyh nauk. Lichnost'. Kul'tura. Obščhestvo. 2012. Tom XIV. Vyp. 3. №№ 73—74. — S. 173—188.
- [8] *Vahtin N.B., Mustajoki A., Protasova E.* Russkie jazyki // Slavica Helsingiensia 40. — Helsinki, 2010. — С. 5—16.
- [9] *Volyneč T.N.* Nacional'nyj variant russkogo jazyka v Belarusi — Mif ili real'nost'? // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Belorussko-russko-pol'skoe sopostavitel'noe jazykoznanie i literaturovedenie». Sbornik v 2-h chastyah. Vitebsk, 22—24 aprelya 2009 g. — Vitebsk: Izd-vo «VGU im. P.M. Masherova», 2009. — CH. 1. — S.16—21.
- [10] *Domashnev A.I.* «Konceptsiya nacional'nogo varianta jazyka v trudah akademika G.V. Stepanova» Res Philologica. Filologičeskie issledovaniya: Pamyati akademika Georgiya Vladimiroviča Stepanova. — M.: Nauka, 1990. S. 4—17. URL: <http://danefae.org/pprs/gvstepan/domashne.htm> (Poslednee obrashchenie 07.03.2014).
- [11] *Dzhusupov M.* Russkij jazyk v tyurkofonnom rečevom prostranstve Central'noj Azii // Slavica Helsingiensia 40. — Helsinki, 2010.
- [12] *Dzhusupov M.* Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: invariant i variacii // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Filologičeskie nauki (nauchnye doklady vysshej shkoly)» № 2, 2013. — S. 16—29.
- [13] *Dmitryuk N.V.* Russkij jazyk v avtohtonnom i neavtohtonnom jazykovom soznanii kazahstancev // Psiholingvistika v HKH1 veke: rezul'taty, problemy, perspektivy. — M.: EHjdos, 2009. — S. 207—208.
- [14] *Dulichenko A.D.* Russkij jazyk: ot veka HKH k veku XXI... // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Filologičeskie nauki (nauchnye doklady vysshej shkoly)» № 1, 2013. — S. 3—11.
- [15] *ZHuravleva E.A.* Variativnost' leksičeskoj sistemy: russkij kak polinacional'nyj jazyk: Avtoref. diss. ... dokt. filol. n.: 10.02.01 — russkij jazyk. — Almaty, 2007.
- [16] *Ivanov Vyach. Vs.* Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budušchemu. II (glavy 11—21). — M., 2004.
- [17] *Kachru B.B.* Mirovye varianty anglijskogo jazyka: agoniya i ehktaz // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh i gumanitarnyh nauk. Lichnost'. Kul'tura. Obščhestvo. 2012. T. XIV. Vyp. 4. № 75—76. — S. 145—165.

- [18] *Larina T.V.* Anglichane i russkie: YAzyk, kul'tura, kommunikaciya. — M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2013. — 360 s, il. — S. 15.
- [19] *Mel'nikov G.P.* Sistemnaya tipologiya yazykov / Otv. redaktor L.G. Zubkova. — M.: Nauka, 2003.
- [20] *Mustajoki A.* Raznovidnosti russkogo yazyka: analiz i klassifikaciya // *Voprosy yazykozna-niya*. № 5. 2013. — S. 3—27.
- [21] *Naumov A.O.* Faktor «myagkoj sily» // *Strategiya Rossii. Ezhemesyachnyj zhurnal* № 1 (73), yanvar' 2010. — S. 53—56.
- [22] *Prohorov YU.E.* Russkij yazyk i russkaya kul'tura v novej geopoliticheskoj kommunikacii // *Mater. mezhdunarodn. nauchno-praktich. konf. «Innovacionnye tekhnologii v teorii i praktike prepodavaniya russkogo yazyka i literatury: problemy i puti resheniya»*. CH. 1. 24—26 noyabrya 2009 g. — Astana: ENU, 2009.
- [23] *Proshina Z.G.* Smena paradigmy yazykovogo obrazovaniya? (Predislovie k stat'e A. Macudy) // *Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh i gumanitarnyh nauk. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2012. T. XIV. Vyp. 2. № 71—72. — S. 176.
- [24] *Rudyakov A.N.* Georusistika i funkcional'naya rusistika // *Filologiya i kul'tura. Vestnik Kazanskogo (Privolzhskogo) federal'nogo universiteta*. — № 2. 2012.
- [25] *Semenyuk N.N.* Norma yazykovaya // *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'*. — M., 1990.
- [26] *Smit L.I.* Anglijskij kak vspomogatel'nyj yazyk mezhdunarodnogo obshcheniya // *Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh i gumanitarnyh nauk. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. № 3 (57—58). 2010. — S. 149—154.
- [27] *Stepanov E.N.* Russkij yazyk v kontekste social'no-politicheskikh processov sovremennoj Ukrainy. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-7714.html> (Poslednee obrashchenie 01.03.2014).
- [28] *Sulejmenova E.H.D.* K osmysleniyu veroyatnosti variantnogo russkogo yazyka v Kazahstane // *Slavica Helsingiensia* 40. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian*. — Helsinki, 2010.
- [29] *Tarasov E.F.* Principy analiza zhizni yazyka v kul'ture i sociume / *ZHizn' yazyka v kul'ture i sociume—2. Materialy mezhdunarodn. nauchn. konf. «ZHizn' yazyka v kul'ture i sociume — 2»*, Moskva, 27—28 maya 2011 g. — M.; Kaluga: «EHjdos», 2011. — S. 3.
- [30] *Tlostanova M.V.* Postsovetskaya literatura i ehstetika transkul'turacii. — M., 2004.
- [31] *Tolstaya T.N.* Posle. Postsovetskaya literatura v poiskah identichnosti. 1995.11. Special'nyj proekt: «ZHurnal'nyj zal» v «Russkom zhurnale». URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano009.html>. (Poslednee obrashchenie 28.10.2005).
- [32] Oshchushchenie katastroficheskoj bezgramotnosti rossiyan. URL: <http://www.filolnauki.ru/ru/news/2013/09/16/15/> (Poslednee obrashchenie 16.03.2014).